

**THE INFLUENCE OF POSTMODERNISM ON THE DEVELOPMENT
OF RELIGIOUS TRANSGRESSION**

Dryagalov Vyacheslav S., Leading Specialist, Astrakhan State University, 20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: helios82@yandex.ru

The article analyzes the religious situation in the postmodern era. In particular, attention is paid to issues such as the change of motivations in the choice of religion, the influence of fundamentalism in different religious denominations and religious syncretism. All these factors have, in varying degrees, influenced the development of religious transgression – socio – cultural phenomenon of our time. In the framework analyzed using the conducted a small survey associated with a number of world religions, both situations leaving the faith to return to the Church.

Keywords: postmodern, religion, fundamentalism, syncretism, transgression, religious transgression

В наши дни термин «постмодерн» широко используется для обозначения исторической эпохи, в которую мы живем, эпохи, пришедшей на смену эре модерна. Некоторые историки иногда указывают на то, что эпоха постмодерна началась после Второй мировой войны, но при этом можно без труда обнаружить и более ранние признаки перемен. По мнению Кевина Харта, профессора английского языка и литературы: «Если модерн знаменует собой эпоху эмансипации и знания, консенсуса и тотальностей, то постмодерном отмечено настроение недоверия к модерну» [9, с. 13]. Для Лиотара постмодерн – все, что есть в модерне самого радикального и раздражающего, что отвергает каноны хорошего вкуса [4, с. 73]. Постмодерн настойчиво представляет о том, добавляет К. Харт, что мы не в состоянии осмыслить, что не можем обнаружить в нашем собственном опыте [9, с. 30]. Французскими философами (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр) были внесены три основных дополнения к определению постмодерна. Во-первых, отказ от считающихся естественными, неизменными и универсальными основ, или корней. Во-вторых, отказ от реализма, в частности, от тезиса о том, что язык при правильном его использовании способен рассказать правду о реальности. И наконец, отказ от гуманизма: человек, рассматриваемый как субъект и объект познания, считается уже не повелителем, а производным от желаний и дискурсов систем власти. Именно эти обстоятельства имел в виду Лиотар, утверждая, что постмодерн – это манера мышления, а не эпоха [4, с. 92].

И именно поэтому нужно отличать религию, практикуемую в эпоху постмодерна, от религии модерна. Отличие может показаться эфемерным, однако между ними – пропасть. Мыслители эпохи модерна вроде Маркса, Ницше и Фрейда, полагавшие, что в будущих поколениях религия утратит свою силу безусловно, ошибались. Несомненным является факт, что в последние несколько десятилетий число прихожан основных европейских конфессий последовательно сокращалось. Однако, тому есть несколько причин, включая и то, что многие дети послевоенного бума рождаемости и их собственные дети не могут удовлетворить свои духовные потребности тем, что предлагается: большинством католических и протестантских церквей. Конечно, многие родители, особенно во Франции и Италии, традиционно католических странах, по-прежнему хотят крестить своих детей, хотя руководствуются при этом не теми мотивами, что родители их родителей.

Сегодня мотивация зачастую носит не столько конфессиональный, сколько психологический и социальный характер. Родители хотят, чтобы их дети были социально интегрированы и прониклись моралью, либо желают, чтобы некой церемонией был отмечен важный момент их жизни. Несмотря на широкую распространенность такой умеренной веры, многие люди отказываются от церкви своих предков, полагая, что та недостаточно убедительна в своих доводах. И в итоге отправляются на поиски более радикальных возражений. Например, христиане, могут остаться в орбите христианской веры, но предпочитают посещать собрания пятидесятников, новых крестоносцев или неформальных молитвенных групп. Как грибы после дождя возникают все новые евангелистские церкви и даже самые строгие последователи религиозных догм впервые за десять лет начинают пополнять свои ряды. Среди какофонии постмодерна тишина четко очерченного порядка, вероятно, кажется не менее привлекательной, чем утешение красивой древней литургии.

Кроме того, с 1960-х гг. не угасает интерес к восточным религиям. Объясняется это тем, что в последние десятилетия буддизм более успешно учит людей религиозной медитации, чем христианство. Богатое наследие мистического богослужения, начиная с отшельников, не задействуется настолько широко, насколько следовало бы, и как неизбежный итог – многие люди ищут вне церкви то, что некогда церковь поддерживало. Всем известно, насколько громко заявляет сегодня о себе религиозный фундаментализм. Мыслящее человечество с тревогой смотрит на некоторые группы и задается вопросом, где именно проходит линия, разделяющая фундаментализм и фанатизм, и как мы научиться отделять религию от политики.

Выражение исламский фундаментализм, столь часто используемое западными СМИ, свидетельствует о том, как плохо мы знаем ислам. Когда комментаторы говорят об исламском фундаментализме, обычно создается впечатление, что он сродни христианскому фундаментализму: ограниченные ретрограды неукоснительно придерживаются буквы Писания, препятствуют преподаванию в школах теории эволюции, не критически настроенные социальные консерваторы, презирающие любых либералов, и образование, пичкающее людей иллюзорными идеями. В СМИ не приводится никаких указаний на то, что в исламе, в отличие от христианства, отсутствует разграничение на фундаменталистов и либералов.

Людей во всем мире должен беспокоить рост политической активности христианского фундаментализма, в особенности в Соединенных Штатах. Наибольшим потенциалом он располагает в южных штатах; с каждым месяцем растет его влияние в больших и малых городах, в законодательных собраниях и колледжах. В Северной Америке фундаментализм – многомиллиардный бизнес, и новые христианские правые доказали свою политическую эффективность и в Вашингтоне, и в столицах многих штатов.

Фундаментализм, по утверждению К. Харта, – это фастфуд американской религиозной жизни [9, с. 167], однако у многих он разжигает аппетит к определенности в сегодняшнем все более неопределенном

мире. Его можно воспринимать как реакцию на мир, полный относительности и тревоги, повсеместного нигилизма и иронии, но не следует отрицать того факта, что он стремительно превращается в центральный религиозный феномен эпохи постмодерна.

Другой аспект сегодняшней религии – синкретизм. Он ярко проявляется в Латинской Америке, где многие христианские общины впитали элементы местных религий. В частности, некоторые жители Гаити примерно посещают мессы и одновременно практикуют культ вуду, сочетая христианскую веру в воскресение с африканской верой в то, что души умерших возносятся к звездам. Они же, пусть и с большими трудностями, сводят воедино Иисуса и Деву Марию и могущество Легбы и Эрзули. Постмодерновый синкретизм в странах первого мира отличается от данного феномена только тем, что здесь он определяется отношением к прошлому как к архиву, а к настоящему – как к супермаркету.

Некоторые верующие не испытывают тяги к цельной системе догм и предпочитают произвольно смешивать и сочетать элементы верований и практик. Например, они могут ходить в англиканскую церковь и одновременно комфортно себя чувствовать, занимаясь медитативной практикой дзен-буддизма с добавлением групповых литургий во славу богини-матери и духовных наставлений гуру нью-эйджа. В первые века нашей эры синкретизм был свойствен многим христианским общинам, и сегодня мы наблюдаем возвращение под флагом плюрализма этой, казалось бы, забытой традиции. В связи со всем вышперечисленным, по мнению целого ряда философов, социологов, культурологов в качестве одной из специфических особенностей постмодернистского общества актуальным становится такое явление как религиозная трансгрессия.

Трансгрессия – широко используемый в современной философии термин, буквально означает «выход за пределы» своего рода, это опыт предела, фиксирующий ситуацию перехода границы, которая описывается в культуре как непереходимая, а также опыт, раскрывающий состояние этого перехода [5]. Представление о трансгрессии сформулировано в работах Ж. Батая, который понимает под этим «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам» [6, с. 36] и многочисленных комментариях к ним М. Фуко, в трактовке которого «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» [8, с. 117], М. Бланшо, который сводит суть явления к «преодолению непреодолимого предела», «опыту-пределу» [2, с. 67] и др.

Трансгрессия является одним из феноменов современной культуры последних десятилетий. Глобальная миграция, вызванная процессами, происходящими в мировой экономике, постепенно изменяет географические, политические и религиозные границы мира. Исторически устоявшиеся культурные ареалы перекраиваются на новый лад, что часто становится причиной запуска процессов, которые в силу своей специфичности и малоизученности, не поддаются прогнозированию или контролю. Одним из таких процессов является религиозная трансгрессия, которая часто проявляется как переход верующих из одной религии в другую, под влиянием как внешних факторов, например, информационного давления, так и внутренних. Если говорить объективно, то такие переходы существовали на всём этапе существования религий. Поэтому, если внимательно изучить религиозные тексты, можно выявить указания и правила, контролируемые, как этап «входа» в конкретную религию новых последователей, так и предотвращающие «выход» из неё, или «переход» в другую религию.

К примеру, в Библии, поясняется, что «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мрк. 16, 16) [1]. «Верующий в Сына имеет жизнь вечную; а не верующий в Сына не увидит жизни; но гнев Божий пребывает на нем» (Иоан. 3, 36; ср. Иоан. 6, 29) [1]. Поэтому в православии за смену веры последует отлучение от церкви. Но это является всего лишь констатацией факта, так как человек самостоятельно принимает решение о расставании с верой. Уход из религии происходит у всех по-разному. Кто-то браврирует своим вероотступничеством, другие же меняют религию достаточно тихо. Если же человек вновь захочет вернуться в православие, то церковь его примет. Для этого он должен покаяться и отказаться от своих заблуждений, осудить их. Церковь же может назначить для возвращенца время для покаяния: недопущение к причастию, особое молитвенное правило Коран в аналогичных ситуациях говорит следующее: Сура 2. АЛЬ-БАКАРА «Корова» 104. О, вы, кто верует! (Посланнику) не говорите: «Раина!» – «Упаси нас (от сего)!», А говорите: «Унзурна!» – «Воззри на нас!» Будьте послушными ему, Ведь тяжкой будет кара для неверных. [3] 105. Неверные из многобожников И из людей Писания (Святого) Не желают, чтобы на вас сошла Господня благодать. Но милостью Своей Аллах одаривает тех, Кого сочтет Своей угодой, – Ведь Он – великой щедрости Владыка! [3]

Поскольку ислам – третье ниспослание Всевышнего, после иудаизма и христианства, он вобрал в себя некоторые черты этих религий. Поэтому приверженцы ислама считают, что любой рожденный изначально привержен к Богу, но многие не могут самостоятельно выбрать вероисповедание. Причиной могут являться какие – то национальные или семейные традиции. Однако может наступить момент, когда некоторым приходит сознание, что им близка другая вера. Поэтому, по логике Корана, грех совершает не тот, кто с детства воспитан в другой религии, а его родители, сделавшие выбор за ребенка заранее.

В исламе не одобряется неосознанный переход или переход по воздействию давления других людей или удобных обстоятельств. Как и во всех крупных мировых религиях для ислама важно, чтобы смена религии происходила на основе осознанного выбора. Последователи буддизма в похожих обстоятельствах могут сослаться на цитату из Главы 1 Сутры Совершенного Пробуждения. «Что есть неведение? Благие мужи! С безначальных времен все живые существа подвержены превратным воззрениям, подобны тем, кто заблудился и бродит из стороны в сторону. Они ошибочно принимают четыре великих (первозлемента) за признак своего тела, а воздействия теней шести видов пыли полагают за признак своего ума. Они подобны тем, кто страдает болезнью зрения и видит в воздухе цветы и вторую луну, которых в действительности нет» [7].

В целом у последователей буддизма нет особых ограничений по принятию другого вероисповедования, потому что это выбор самого человека и никаких санкций не существует. Если человек при желании переходит в другую религию, это его выбор. Главное в буддизме – придерживаться правильных воззрений,

а это значит, учиться правильному видению сути бытия, правильной речи, правильному осмыслению сути явлений, правильным действиям, правильным стремлениям (в частности того, что направлено на избежание зла), правильному поведению, правильному рассуждению (о теле, чувствах, предмете размышлений и т.д.), правильному сосредоточению.

Также последователи буддизма советуют избегать сект, которые негативно влияют на общество и на личность, что довольно сложно сделать на современном этапе развития человечества. Постмодерн – эпоха не только культов, но и одинаковой доступности благодаря Интернету сведений и о цистерцианских аббатствах, и о космических путешествиях. Именно поэтому, ещё активнее, чем в 1960-е, люди ищут сегодня утешения или волнующих ощущений в альтернативных религиях. Примыкают к общинам нью-эйджа, участвуют в неоязыческих ритуалах, экспериментируют с викканскими церемониями или приобщаются к культам Семьи или Райских врат.

Таким образом, подводя краткие выводы, следует отметить, что переходы из одной религии в другую долгое время оставались чисто религиозной проблемой и определялись внутренними предпочтениями и осознанным выбором переходящего, вынужденного преодолевать многочисленные препоны, в том числе и моральные. Современный аспект религиозной трансгрессии опасен в силу своей ориентации на информационную анархию порождённую интернетом, модой на принадлежность к религии, а также не способностью современной российской культуры адекватно реагировать на постоянные вызовы западной культуры, активно проживающей постмодернистскую фазу, и буквально бомбардирующую всех всё более изощрёнными симулятивными образами через все доступные для атаки средства информации. Исходя из этого, авторы статьи считают, что исследования посвящённые изучению религиозной трансгрессии как феномену современной культуры, являются актуальными и своевременными.

Список литературы

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета канонические. Российское Библийское Общество, 2011.
2. Бланшо М. Опыт-предел // Танатография эроса. СПб.: Мифрил, 1994. 364 с.
3. Коран. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 544 с.
4. Лиотар Ж.-Ф. . Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
5. Можейко М. А. Трансгрессия. Электронные данные. Режим доступа: <http://enc-dic.com/philosophy/Transgressija-3607.html>, свободный. Загл. с экрана Яз. рус.
6. Пугачева Л. Г. Феномен границы как основание интенциональности разума и предметного восприятия реальности // Известия Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2009. Вып. 2. С. 36–41.
7. Сутра Совершенного Пробуждения, или Просветления. Электронные данные. Режим доступа: <http://jhana.ru/sutra/38-awakening.html>, свободный. Загл. с экрана Яз. рус.
8. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. СПб.: Мифрил, 1994. 364 с.
9. Харт К. Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. С. 167.

References

1. Biblija. *Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo zaveta kanonicheskie*. Rossijskoe Biblejskoe Obshhestvo Publ., 2011.
2. Blansho M. Opyt-predel. *Tanatografija erosa*. St. Petersburg, Mifril Publ., 1994, 364 p.
3. *Koran*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2015, 544 p.
4. Liotar Zh.-F. *Sostojanie postmoderna*. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998.
5. Mozhejko M. A. Transgressiya. Available at: <http://enc-dic.com/philosophy/Transgressija-3607.html>
6. Pugacheva L. G. Fenomen granicy kak osnovanie intencional'nosti razuma i predmetnogo vospriyatija real'nosti. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika*, 2009, vol. 2, pp. 36–41.
7. *Sutra Sovershehnogo Probuzhdenija, ili Prosvetlenija*. Available at: <http://jhana.ru/sutra/38-awakening.html>
8. Fuko M. O transgressii. *Tanatografija erosa*. St. Petersburg, Mifril Publ., 1994, 364 p.
9. Hart K. *Postmodernizm*. Moscow, FAIR-PRESS, 2006, p. 167.

М.Ю. БАРШЕВСКИЙ КАК НОСИТЕЛЬ ЭЛИТАРНОЙ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

Васильева Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, E-mail: gis_00@mail.ru

В статье анализируются основные компоненты элитарной речевой культуры. На примере речевых стратегий М.Ю. Баршевского исследуется языковое поведение носителя элитарной речевой культуры.

Ключевые слова: элита, элитарная речевая культура, языковая личность, речевая стратегия

M.YU. BARSHCHEVSKY AS CARRIER OF ELITE SPEECH CULTURE

Vasilieva Yulya A., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Astrakhan State University, 20a Tatisheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation, E-mail: gis_00@mail.ru

In article the main components of elite speech culture are analyzed. On the example of speech strategy of M. Yu. Barshchevsky the language behavior of the carrier of elite speech culture is investigated.

Keywords: elite, elite speech culture, language personality, speech strategy